

**Аксиологический модуль
в произведениях Якуба Коласа и Николая Клюева**

В конце XX столетия в памяти читателей было воскрешено имя поэта Николая Клюева, представителя так называемого новокрестьянского направления в русской поэзии, художника самобытного и неповторимого. Пришло время творчество Н. Клюева сопоставить с творчеством классика белорусской литературы Якуба Коласа. Такого рода сопоставление не умалит таланта белорусского мастера слова, а, даже наоборот, позволит прочертить некую параллель в истории двух родственных славянских народов.

Мировоззрение и Коласа, и Клюева формировалось в один исторический период; события, переживаемые людьми и страной, нашли свое отражение в творчестве каждого из них. И в биографиях этих художников слова можно найти аналогии.

Константин Михайлович Мицкевич родился 22 октября (старого стиля) 1882 г. в урочище Акинчицы на Николасвицце, Минской губернии, в семье крестьянина. Получив домашнее образование, юноша окончил двухлетнее Народное училище, а далее — Несвижскую учительскую семинарию. С 1908 по 1911 находился в тюремном заключении. В 1910 г. вышел первый сборник поэта, а в 1923 г. увидела свет поэма «Новая земля».

Николай Алексеевич Клюев родился 22 (10) октября 1884 г. в глухой деревне Кошгуги, Олонецкой губернии (ныне Вологодская область), в семье крестьянина (отец служил урядником). Получил домашнее образование, учился в церковно-приходской школе, окончил двухклассное городское училище, учебу продолжил в фельдшерской школе. В 1905—1906 гг. был заключен в тюрьму. Первый сборник Клюева вышел в 1911 г., а 1920-е годы ознаменованы появлением лучших произведений поэта. Известно, что в 1912 г. книга стихов «Братские песни» опубликована в еженедельнике «Новая земля», печатном органе голгофских христиан.

В своем творчестве Якуб Колас «выступіў як абаронца інтарэсаў народа, як выказнік яго заветных дум і спадзяванняў» [4, с. 15].

Русский поэт Н. Клюев в истории литературы определяется как поэт-самородок, поэт-мужик, человек из природы, хранитель сказочно-песенных, религиозно-мифологических традиций севернорусской крестьянской культуры Заонежья. Как отмечают исследователи, Клюев пытается уловить, угадать «народную душу», придать ей определенные очертания [1, с. 10].

Целесообразным видится исследование поэм и стихов Н. Клюева в сопоставлении с эпической поэмой Якуба Коласа «Новая земля» по вопросу представленных в них аксиологических составляющих. Предметные и субъектные ценности выступают в произведениях обоих авторов как способы познания жизни, благодаря которым можно выявить черты ментальности белорусского и русского крестьянина 20-х годов XX века.

Для Клюева, ревностно защищавшего старообрядническое благочестие, высшей ценностью, личностным идеалом является Господь Бог. Блюститель христианской заповеди «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим...», поэт взывает к высшей субстанции: *Рукою благостной Господь // Развевя сумрак непогодный // И дал мне светлую милость...* [2, с. 27]; Господь Бог для него — *творец всевидящий, наш взыскующий Отец, милостливый Боже*; через образ Иисуса Христа, *Спасителя мира*, воплощается духовный смысл истории России. Русь поэта — *Христова земля*. В России большевистской для значительной ее части, несмотря на кровавые расправы, *Бог зеленеет побегом ветловым, // Под новою твердью, над красной землей* [2, с. 116].

Константин Михайлович Мицкевич, рожденный в многодетной белорусской семье, живущей традициями отцов, в детстве был крещен. Обучаясь в Несвижской учительской семинарии, изучал Закон Божий, историю Старого и Нового завета, церковный устав, историю христианской церкви, благодаря чему постиг основы диалектического взгляда на мир. В атеистическом государстве нельзя было ожидать от Коласа открытого проявления религиозной духовности, но христианское отношение к людям и природе было присуще поэту. Кроме этого, из архивных материалов стало известно, что была секретная записка от 1924 г., в которой как характерные черты литературных произведений Коласа назывались следующие: «перегиб в сторону национал-шовинизма с

религиозными божественно-слащавыми наслоениями, ничем не прикрытыми» [5, с. 88]. Сегодня очевидны прямые и косвенные подтверждения того, что в сознании поэта религиозные ценности занимали особое место.

В поэме «Новая зямля», определяя свой «родны кут» как высшую Истину, автор говорит, что в разлуке з *родным берагам*, мысли о «малой» родине воскрешают его: *я душою ажываю* [3, с. 10]. И далее, на протяжении всего произведения выражается бескорыстная любовь к родному краю: *Я родны край успамінаю, // Я ім жыву, я ў ім душою // І сэрцам кожнаю парою // Як той нявольнік <...>; О край мой мілы! Ўсёй душою // Хачу злучыцца я з табою // <...> Ў твайёй зямлі сыйсці ў магілу...* [3, с. 155—156]. Подобный пафос сравним лишь с религиозным. Почитая окружающую природу, «живую» и «мертвую», герои поэмы воспринимают ее и как эстетическую ценность.

Религиозная маркировка в поэме Кодаса заметна по всему тексту: *дзень быў святы*, стол стоит *над абразамі*, воскресный день является для крестьян *вольнай часінай*; *вялікая субота, цвінтар, крыжы, званніца, божы свет, Бог дасць, дай Божа! дзякуй Богу, воля Бога, часоў божых, нябожа, след святы* и др. В главе «Сесія» рассказывается о собрании лесников у пана лесничего, где заповедь «Не произноси ложного свидетельства» «реализуется» через *абгаворы, даносы* друг на друга, через принцип *кусаць адзін другога збоку*. При общении с паном зависимый человек *на крыж гатовы йсці за пана, цярпліва зносіць крыж пакуты* [3, с. 104]. В связи с чем следует признать, что такова еще одна нравственная ценность христианина-белоруса. Подобную ценность Михал не принимает: *І так зніжацца! цыфу, агіда! // Не мець ні вобраза, ні віда, // Ні нават цені чалавека* [3, с. 102].

Философия верующего человека отражена в строках поэмы: *Жывуць, цярпліва долю смычуць // І крыж нясуць <...>; І божы свет здаваўся мілы; Было што есці, дзякуй Богу!* [3, с. 48, 51]. От первого дня и до последнего часа мужик-белорус живет с Богом в душе и на устах. Живые молят: *Ах, мой ты божа добры, мілы!* [3, с. 63]; *Няхай-жа бог нам памагае!* [3, с. 242]; провожая в последний путь, человеку желают: *Няхай з святымі апачыне!* [3, с. 68].

Многодетная семья Михала также живет по христианским заповедям. Главой её является мужчина, любящий муж и отец, прилагающий большие усилия к тому, чтобы жизнь родных была благополучной. Устремленностью в будущее, в котором залогом

счастья Михал видит землю (*Свая зямля — вось што аснова!*), характеризуется ментальность белоруса. В большой семье белоруса и в художественном мире поэмы *кожны месца сваё мае*, свое место не только за столом, но и в семейной иерархии. Так, Ганна, жена и мать, советчица мужа (чаще *слухае маўкліва*), хозяйка (держит *парадак, лад у хаце*). Дядька Антось (прототип его А. К. Мицкевич) — личность духовно богатая и талантливая, самородок, педагог-воспитатель, поэт по натуре. В системе образов он является выразителем духовно-религиозного сознания белорусов. Используя в общении с племянниками принципы народной педагогики, Антось делает все с душою: будь то рыбалка, сбор меда, дела по хозяйству. В совместной деятельности через приучение, убеждение и личный пример он вводит детей в природу, воспитывает эмоциональное поведение, формирует систему народных ценностей. В духовности этого героя фундаментом является душевность.

Душа для верующего человека — безусловная Божественная реальность. У Клюева *журавли матери душу несут за моря*, ее душа поселилась в маковке *ветхой церквушкі*, сама же мама пребывает в *раю*; и даже солнышко не источник тепла и света, а *ходок от маминой праведной души* («Избьяные песни»). Для поэта существует Душа Земли, есть *душа — степной жеребёнок*; и устремленная *высь взлетит душа алконостом // В голубую млечную медь* [2, с. 123]; в условиях «нового» времени *Душа всецедро тверда, // Как ток, снопами убитый, // Где смуглый Ангел труда...* [2, с. 132] — таковы метафизические смыслы клюевских стихов.

Герои произведений обоих авторов живут по церковному календарю. В пространстве поэмы Коласа все поры года отмечены вехами-праздниками: Покров, Коляды, Микола, Вербница, Пасха и др.; на страницах поэмы — имена библейских персонажей: Абрам, Исаак, Соломон, Ева, Адам, Лот, Сим, Хам, Илья, Самсон, Каин, Авель и др. Глава «Вялікдзень» посвящена главному христианскому празднику. Колас описывает Святое воскресенье, которому предшествует *вялікая субота: ...сама хата // Была прылучана да святы* [3, с. 203]. Люди (*і заможны і убогі*) и природа в этот вечер едины: *Святы Вялікаднік святкуюць // І радасць ў сэрцы сваім чуюць* [3, с. 206], в церкви радостно поют *Хрыстос васкрос!*, а вернувшись со всенощной, молятся, разговляются.

Клюев — суровый ревнитель «старой веры». Имена христианских святых на страницах стихов упоминаются

неоднократно: Иоанн, Димитрий, Николай (Микола), Власий, Павел и др.; преподобные отцы Изосим, Савватий, Елизар, Аввакум, Феодосий. А рядом со святыми — мирские персонажи: Иваны и Васятки, Степанида, Настя, Прокл, Олеха и др. Крестьяне в святой молитве обращаются к чудотворным иконам Божией Матери: Утоли мои печали, Обрадованное Небо, Умягчение Злых Сердец, Сладкое Лобзание, Неопалимая Купина; Спас, Заклинание и др. Автор говорит о праздниках Рождества, Коляд, Святки, Красной Горки, Пасхи, называет святых покровителей Илью, Аграфену, Купалу, Федосью-колосовницу, Варвару и др.

Пребывание в отроческом возрасте в Соловецком монастыре стало хорошим духовным фундаментом и источником вдохновения для Клюева-поэта. Строки стихов наполнены церковной лексикой: *подрясник, монастырская скуфья, икона, просфорка, скитный звон, радельная свеча, сладимая свеча, хвойный ладан, крест, кровавый крест, ангелок, патока, ладан, лампадка, складень, саван, псалтири, митра, райская птица радости Сирин, птица печали Алконост* и т. д. Поэт переосмысливает библейские образы, ставя их в один ряд с образами историческими, античными, религиозными, сказочно-народными, поэтическими.

Нравственные ценности — Добро и Зло — в поэтике Клюева представлены через полярные хронотопы «рай» и «ад»: так, *пулемет <...> сладостен для охочих // Пробуравить свинцом народ <...> заскулит пулемет, сбросит когти и кожу стальную...* Этому злу революции противопоставлены *на божнице верба, Христов Лазарет, гремящая звезда на востоке, песня родная* и др. Ад — это *рубиново-красный солдат, ад гвоздиных ран, непролазный мёртвый валежник, окровавленная отчизна; Блузник, сапожник ножом, // Раздирающий лик Мадонны*. Рай — *Финифтяный рай и пшеничный, рай избяной и мужицкий, берестяной и коврижный рай, нищий рай*; в своем личном мире поэт грезит *о северном рае // Плодов и газельных очей* [2, с. 105], который *ядрен и чудесен, и где стряпка Лукерья // Указует дорогу в рай* [2, с. 104]. Райская жизнь в представлении художника связана с образом белой Индии как страны справедливости, где христианская вера не утратила первоизданную чистоту, предание о которой сохранилось в памяти ещё с X века: *Недаром мерещится Мекка // Олонецкой серой избе...* [2, с. 105].

Такие ценности «новой» жизни, как прогресс, индустриализация оцениваются в крестьянском мире как

«негативные». В начале XX столетия славянину с его патриархальным укладом жизни трудно принять революционные преобразования, урбанистические достижения, индустриальные открытия века: *Кто породил вас, турбина с Егорием?* [2, с. 115].

В поэме «Новая земля» крестьянской хате противопоставлено «чужое» пространство. «Па дарозе ў Вільню» дядьке Антося з'яўляліся новыя малюнкi. *Ото разгон і шыр якая!* — рассуждает он. И тут же обрывает свои мысли выводом: *Эх, дзецца людзям бедным недзе!* Сын лесов, полей и дубрав не принимает городской суматохи, скопища народа, лживой красоты и блеска: *Ўсё там кіпіць, бы ў час разрухі, // Снуюць служачыя, як мухі, // Гудуць, шумяць, бы ў вулі пчолы* [3, с. 246]. Поезд воспринимается им, как демоническая сила, *лоты змей, которого быццам чэрці <...> сярдзіта скаланулі.* Среди скопишня *божага люда* в людском водовороте человек ощущает себя *шчэпкай.*

Выразитель древнего благочестия Ключев вместе с героем не может забыть *подснежник, // На проталинке снегира,* не может *полюбить гудки, кривошипы.* [2, с. 108]; он вещает: *не хочу Коммуны без лежанки.* Для него завод равносителен *«угльному аду».* Антитезой передается настрой поэта и его современников на нововведения: *Мы — ржаные, толоконные, // Пестрядинные, запечные, // Вы — чугунные, бетонные, // Электрические, млечные <...> Ваши песни — стоны молота, <...> Ваша кровь водой разбавлена* [2, с. 96]. Ключев не верит в добрые перемены, в силу революционных завоеваний, в союз «Земли и железа» [2, с. 83], он надеется, что *увести над Русью новою // Будут гречневые генши* [2, с. 96].

Лирический герой, сохраняя стиль сказителей старины, восславляет красоту северной природы, труд, быт и песни народа. Мировоззренческой ценностью для него является *изба, избушка.* Изба — крестьянский дом, хата с пещью, *мать-изба, узорный оазис-изба, пудожская хата,* с которой связана вся жизнь крестьянина. По разумению поэта, *изба — неклеванный шолом, // Толоконная городьба!; Изба — святилище земли, // С запечной тайною и раем; Изба — питательница слов* [2, с. 88—89]; *Изба-богатырица, // Кокосник вырезной, // Оконце, как глазница, // Подведено сурьмой* [2, с. 45]; *Изба — криница без дна и выси* [2, с. 196]. Герой-поэт, рожденный в срубе, в горенке с муравленой печкой, поёт славу *избе* и *Рассеи* *матке,* ставя их в один ряд: *Избу — деревню — Россию;*

называет святые для русича имена Святогора, Ефросиньи Полоцкой, Ярославны и др.

Для белоруса «хата» — это, в первую очередь, земля с хозяйственными постройками и большая дружная крестьянская семья. *Мой родны кут, як ты мне мілы!.. // Забыць цябе не маю сілы!* [3, с. 7] — так начинается поэма. Картины белорусской природы, чередуясь с бытовыми деталями, приводят читателя к «хате», стоящей в глубине двора: *Як бы шляхцянка засяянкава // Што ў дзень святы каля касцёла, // Чуць-чуць падняўшы край падола, // Так важна ходзіць з парасонам* [3, с. 13]. Олицетворением художественного изображения хаты является детализированное описание еды, орудий труда (*І ўжо пры печы з чапялою // Стаяла маці*), элементов народного этикета и т. д. В сюжетной линии поэмы вся жизнь семьи лесника связана с переездами. Постройка, куда вынужденно переехала семья лесника, *ямаю здалася // Старая хата ў тры аконцы!* [3, с. 49]. Колас не поэтизирует хату, а в реалистическом ключе пророчесствует о несбыточности мечты Михала *зямлю купіць. Ёў гразі-балоце ўсё агульна: // Як печ, як столь, і сцены, лавы, // І дух пракіслы, дух трухлявы <...> Зямля на ямы ўся пабіта* [3, с. 49]. Семья находит моральные силы, чтобы на пожарище *з'явілася <...> зямлянка-будачка малая, // Ёў адно акенечка, крывая* [3, с. 52]. В этой драматической «панораме» как в капле воды — весь белорус. В поисках «новой зямлі» он терпеливо и раболопно смиряется с выпадающими на его долю испытаниями (эту черту в характере белоруса называют толерантностью). Свое долготерпение белорус оправдывает тем, что *няма зямлі свае і хаты, // І мусіш гнуцца, як пракляты* [3, с. 98].

Опираясь на народные традиции, оба поэта в поэтическом ключе без излишней идеализации повествуют о вечных и общечеловеческих ценностях. — Неиссякаемыми родниками, питающими и человека, и поэта, способствующими воспитанию патриотов земли своей, они видят Родину, Природу, Землю, Дом. В сознании восточных славян средством смирения и гармонизации жизни является вера в Бога. Безусловной ценностью выступает духовность, в поисках которой на страницах произведений герои прожили свои жизни, а их авторы остались в памяти потомков на века.

Літэратура

1. Азадовский К. О Николае Клюеве: Факты и мифы // Николай Клюев. Стихи и поэмы. — Москва, 1991.
2. Клюев Н. Песнослов. — Петрозаводск. Карелия, 1990.
3. Колас Я. Збор твораў: У 7 т. Т. 4. — Мінск, 1952.
4. Крапіва К. Жыццё і творчасць народнага паэта Беларусі Якуба Коласа // Вялікі пясняр беларускага народа. — Мінск, 1959. — С. 15—30.
5. Шырокова Я.І Наследаванне хрысціянскіх традыцый сям'і Міцкевічаў у жыцці і творчасці Якуба Коласа // Каласавіны. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 125-годдзю з дня нараджэння народнага паэта Беларусі Якуба Коласа, 30 кастрычніка 2007 г. — Мінск, 2008. — С. 83—92.